

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.12.3>

Безгин Владимир Борисович, Николашин Вадим Павлович

БЕДНОТА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ БАЗИС ВЛАСТИ В АГРАРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ КОНЦА 1920-Х - НАЧАЛА 1930-Х ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОЙ ОБЛАСТИ)

В статье исследована малоизученная тема роли бедноты в социально-экономическом и общественно-политическом развитии черноземной деревни в конце 1920-х - начале 1930-х гг. Представлен анализ политики большевиков по социальному расслоению деревни и вовлечению бедняков в производственную деятельность и партийное строительство с целью укрепления позиции советской власти на селе. Сделан вывод о противоречивом характере данных процессов. Попытка увеличить "политический вес" батрацко-бедняцких слоев деревни не находила поддержки не только у других страт деревни, но и среди ряда местных советских и партийных работников.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/12/3.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 12. С. 24-27. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 93/94“1920/1930”

Дата поступления рукописи: 21.09.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.12.3>

В статье исследована малоизученная тема роли бедноты в социально-экономическом и общественно-политическом развитии черноземной деревни в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Представлен анализ политики большевиков по социальному расслоению деревни и вовлечению бедняков в производственную деятельность и партийное строительство с целью укрепления позиции советской власти на селе. Сделан вывод о противоречивом характере данных процессов. Попытка увеличить «политический вес» батрацко-бедняцких слоев деревни не находила поддержки не только у других страт деревни, но и среди ряда местных советских и партийных работников.

Ключевые слова и фразы: Центрально-Черноземная область; коллективизация; деревня; беднота; колхоз.

Безгин Владимир Борисович, д.и.н., профессор

*Тамбовский государственный технический университет
vladyka62@mail.ru*

Николашин Вадим Павлович, к.и.н.

*Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
nikolashin.vadim@yandex.ru*

БЕДНОТА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ БАЗИС ВЛАСТИ В АГРАРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ КОНЦА 1920-Х – НАЧАЛА 1930-Х ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОЙ ОБЛАСТИ)

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ и администрации Тамбовской области в рамках научного проекта № 19-49-680002p_a «Коллективизация в черноземной деревне: институциональный и социальный аспекты».

В отечественной и зарубежной историографии большое внимание уделяется месту «кулаков» в деревне, теме лишенцев, раскулаченных крестьян, изучению их поведенческих моделей в ходе коллективизации и других общественно-политических событий. Напротив, деятельность сельской бедноты, несмотря на внимание большевиков к ней как просоветской социальной базе в деревне, мало изучена. Исследования этой проблемы в советский период осуществлялись исключительно в рамках господствующей идеологии. В публикациях преобладал тезис о необходимости ликвидации кулачества как класса в ходе социалистического преобразования деревни, а бедноте отводилась роль ведущей силы колхозного строительства.

В последние два десятилетия интерес специалистов к изучаемой теме значительно вырос, о чем свидетельствует ряд публикаций [2; 3; 9; 11; 12; 19]. К сожалению, проблема социальной стратификации советской деревни своего исследовательского решения не получила. Этим обусловлена **актуальность и научная новизна** данной статьи. Документальной основой исследования послужили материалы фондов архивов Воронежской и Тамбовской областей, часть из которых введена в научный оборот впервые.

Беднейшее крестьянство рассматривалось коммунистической властью как надежный союзник пролетариата в деле социалистического преобразования села. В беседе с иностранными рабочими 5 ноября 1927 г. И. В. Сталин на вопрос: «Как вы думаете осуществить коллективизм в крестьянском вопросе?» отметил в качестве одного из основных способов кооперацию крестьянских хозяйств «главным образом бедняцкого типа». При этом он подчеркнул необходимость дальнейшего «ограничения и вытеснения кулачества, для организации трудовых крестьянских хозяйств в производственные товарищества, для возможного финансирования этих товариществ из средств государства» [17, с. 67-68].

Взгляды вождя нашли свое воплощение в резолюции «О работе в деревне», принятой на XV съезде ВКП(б). Именно через кооперацию бедноты коммунистическая власть стремилась обеспечить интересы государства и решить задачу колхозного строительства. Нормативные акты, принятые позже, не столько ослабляли возможности кооперации, сколько сужали все присущие ей функции, делали акцент на объединение крестьянских дворов в колхозы [18, с. 44].

Стремясь заручиться поддержкой бедноты при проведении аграрных преобразований, власть возложила всю тяжесть сельскохозяйственного налога на зажиточную часть села [1, с. 4]. Цель состояла в классовом расколе деревни для «получения союзников в лице наиболее бедных крестьян, настроив их против кулаков» [9, с. 62]. В расчет брались и середняки, но в плане политической лояльности беднота имела преимущества. Об этом свидетельствует то, что «при чистках нередко за идеологическую невыдержанность комсомолец-середняк мог быть “вычищен” из организации, в то время как по этой же причине комсомолец-бедняк отделялся выговором» [15, с. 873].

Причина поддержки властью бедняцкой части села заключалась в том, что государству необходимо было получить контроль над экономическими ресурсами деревни. «Коллективизация стала тем институциональным механизмом, с помощью которого осуществлялся контроль над хлебозаготовками» [9, с. 57]. Община, по мнению большевиков, как антипод колхозу должна была исчезнуть. А вместе с ней смене подлежала и вся система вековых производственных и социальных отношений на селе. Но община, получившая мощный экономический

импульс в ходе новой экономической политики, не исчерпала свой институциональный потенциал. По данному вопросу Андреа Градиози приходит к выводу, что «сельское общество, подвергшееся атаке в 1928-1930 гг., все еще оставалось сильным» [8, с. 45]. Устранить экономическую автономию села от города можно было только изнутри. И такой силой стали беднейшие слои деревни.

Решению этой задачи предшествовал процесс мобилизации деревенской бедноты. Уже осенью 1928 г. руководство обкома ВКП(б) Центрально-Черноземной области (ЦЧО) предприняло попытку существенно расширить численность сельских партийных ячеек и групп бедноты. Для достижения этой цели в июле 1929 г. были приняты решения Центрального комитета ВКП(б) и обкома ЦЧО, направленные на активизацию процесса создания и деятельности групп бедноты. Теперь их можно было организовывать даже в селах, где ранее не было партийных ячеек. Так, по состоянию на 1 июля 1930 г. в 12 районах Острогожского округа действовали 454 группы, объединявшие 4421 чел. Их число по сравнению с 1928 г. увеличилось на 93%. При этом в ряде мест, таких как Алексеевка, Каменка, Вейделека, Коротояк, группы бедноты организованы не были [5, д. 171, л. 13].

Советское государство не жалело средств для создания надежной опоры власти в деревне. Финансирование на эти цели исчислялось в миллионах рублей. После организации смотра групп бедноты в период с ноября по декабрь 1928 г. их численность (по данным десяти округов ЦЧО) возросла с 1054 до 2626 [11, с. 30], или почти в 2,5 раза.

Стоит отметить, что не все партийные организации уделяли должное внимание созданию групп бедноты. Так, 7 апреля 1930 г. обком ВКП(б) ЦЧО в переписке с центральными органами сообщал, что пункт 4 постановления ЦК ВКП(б) «Об организации бедноты» был выполнен не всеми фракциями окружных и кооперативных органов [5, д. 171, л. 1]. В ряде мест представители сельской администрации выражали сомнения по поводу критериев оценки бедноты. Например, в с. Нижние-Пески Пересыпкинском районе Тамбовского округа 24 июня 1929 г. на заседании членов сельсовета по вопросу об оказании помощи в уборке бедноте член сельсовета Вельможин сказал: «Бедноте хотя помочь и надо, но только учесть точно, какая беднота, а то разная есть беднота. У него нет лошади, а он прилично зарабатывает, так мы, пожалуй, все продадим лошадей, и будем ждать помощи, такой бедноте нужно совершенно отказать» [4, д. 133, л. 137 об.].

Стремление власти увеличить «политический вес» батрацко-бедняцких слоев деревни явно не находило должного отклика со стороны сельских советов. Так, в отчете, составленном в январе 1930 г. по результатам обследования работы Бондарского райисполкома инструктором организационного отдела Тамбовского окружного исполкома Комаровым, отмечалось, что решения собраний бедноты не всегда проводились в жизнь сельскими советами [Там же, д. 222, л. 3 об.].

Деревенской бедноте отводилась роль ведущей силы социалистических преобразований на селе. В информационной справке Острогожского окружного обкома ВКП(б) ЦЧО о работе среди батрачества и бедноты по состоянию на 1 июля 1930 г. подчеркивалось значение бедноты в выполнении задач сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса, отмечалась необходимость опоры партии на социальные низы деревни для решения политических и хозяйственных задач социалистического переустройства села в условиях борьбы с кулаком. В указанном округе по неполным данным в период с начала 1929 г. по 1 июля 1930 г. проведено 98555 батрацко-бедняцких собраний. Ими было охвачено 417904 крестьянина. Только вопросы весенней посевной кампании и коллективизации стали предметом обсуждения на 1354 заседаниях групп бедноты и 2140 собраниях бедняков [5, д. 171, л. 11].

Собрания бедноты, как правило, предшествовали общественным собраниям по актуальным хозяйственным и политическим вопросам. Это делалось намеренно, чтобы сформировать у деревенской бедноты консолидированную позицию и провести угодные коммунистической власти решения. Например, в Острогожском округе ЦЧО с начала 1929 г. по 1 июля 1930 г. собрания бедноты на тему перевыборов в сельсоветы проводились 1542 раза, по вопросам весенней посевной кампании – 1133, хлебозаготовкам – 1481, коллективизации – 2133 [Там же, л. 13]. В Нижне-Девичком районе Воронежского округа ЦЧО в 1929 г. в шести обследованных группах было проведено 72 заседания, где рассматривались ход посевной и уборочной кампаний, работа среди бедноты в контексте реализации решений XV съезда ВКП(б), вопросы проведения самообложения и другие [4, д. 674, л. 55]. Власть делала все, чтобы укрепить положение бедноты на местах, зная, что от ее поддержки зависел успех проведения кампаний [13, с. 175].

Опора власти на бедноту в проведении аграрной политики давала свои результаты. Деревенская беднота оказывала действенную помощь органам власти в поиске скрытых от налогообложения или нерационально используемых объектов. В Сводке об итогах смотра групп бедноты по Воронежскому округу ЦЧО отмечалось, что в 1929 г. при участии бедноты было обнаружено 84 случая сокрытия крестьянами объектов обложения, например, в Нижне-Девичке и Шаталовке [4, д. 674, л. 55]. Информационная сводка для бюро окружного комитета ВКП(б) от 13 мая 1929 г. содержит сведения о том, что группа бедноты в с. Мелахино Лискинского района Острогожского округа выявила, что «на хуторе Демченко по вине “антисоветского” землемера, который проводил измерительные работы в 1921 г., имелось 600 десятин черноземной земли. Но практически вся эта земля не возделывалась, а содержалась под сенокосами хуторян – “кулаков”. Зажиточные крестьяне продавали сено с этого надела по 1 руб. за пуд, не выплачивали сельскохозяйственный налог, ссылаясь на то, что земля находится в залежи» [5, д. 120, л. 5].

«Поддержка» беднейшим крестьянством политики партии выливалась в различные, санкционированные властью, формы. Так, беднота оказывала помощь государству в организации «красных» обозов и самообложении. В марте 1929 г. в Двудучинской группе бедноты Уразовского района Острогожского округа было организовано два красных обоза с хлебом, проведено самообложение для обсемененных полей бедноты – собрано до 1000 пудов семян и т.д.» [Там же]. На бедняков местные партийные органы могли рассчитывать

и в деле усиления политического влияния коммунистов в советских и кооперативных органах. Например, выступая на собраниях по перевыборам сельских советов и кооперации бедняки активно защищали кандидатов, выдвинутых от ячеек ВКП(б), голосовали против «кулачества» [4, д. 1176, л. 8].

Враждебная позиция зажиточной части деревни по отношению к объединявшимся беднякам и середнякам была обусловлена объективными общественно-производственными отношениями, сложившимися задолго до начала коллективизации, а также действиями советской власти, разжигавшими «классовую» борьбу внутри села. Как отмечалось в докладной записке о мероприятиях Тамбовского окружкома ВКП(б) по перевыборам советов 1928-1929 гг., кулаки во время подготовительных собраний бедноты, батрачества, женщин принимали меры к их срыву. Например, в Инжавинском районе Тамбовского округа они не отпустили на собрания своих батраков. В с. Арапово Тамбовско-Пригородного района Тамбовского округа задерживали бедноту на дороге. Кроме того, зажиточные крестьяне «принимали меры к созданию блока зажиточных с середняками, к отрыву середняка от бедноты, распуская слухи, что налог с бедноты слагается за счет середняков» [6, д. 114, л. 6]. Подобные действия находили отклик в крестьянской среде. Например, среди середняков в с. Малоканшино Кирсановского района Тамбовского округа звучали высказывания, что «беднота не умеет поднять свое хозяйство, а потому руководить советом она не может» [Там же, д. 144, л. 6]. А в с. Черняное Тамбовско-Пригородного района Тамбовского округа середняки говорили, что «государство много помощи оказывает беднякам и мало середняку» [Там же].

Конфликт между социальными стратами советского села в своей основе имел прежние внутриобщинные противоречия. Как отмечает В. В. Кондрашин, значительное число бедняков и батраков охотно участвовали в раскулачивании односельчан из-за накопившихся обид, пренебрежительного отношения к ним со стороны более зажиточных односельчан. Такое же отношение наблюдалось и со стороны крестьян-середняков, которые «дистанцировались от бедных крестьян и считали их “пьяницами”, “лентяями” и т.п.» [12, с. 28].

Несмотря на стремление советской власти расширить свою социальную базу в деревне, союз бедняков и середняков так и не сложился. Да и беднота не стала единой, монолитной силой. В пресловутом союзе бедноты и середняков не «работали» общинные принципы трудовой взаимопомощи. В вопросе фактически безвозмездного использования собственного инвентаря и имущества середняки уклонялись от помощи бедноте. Так, в специальной сводке № 44 Тамбовского окружного отдела полномочного представительства ОГПУ по ЦЧО от 8 августа 1929 г. сообщалось, что в д. Серебрянное Ржаксинского района Тамбовского округа 18 июля 1929 г. на общем собрании крестьян по вопросу об организации посевной кампании и помощи бедноте середняк Е. Третьяков заявил, что «довольно бедноте ездить на нашей спине, то вози им снопы, то паши, а они вот молотить не особенно идут». Его поддержал крестьянин Коченков, который в своем выступлении с раздражением заметил: «Я одной беднячке посеял просо, а она мне полоть не пришла, а поэтому довольно на лодырей работать. Им дай сеялку бесплатно, а они изломают, а исправлять придется нам, но если вы уж начинаете так нас мешать, то уж скорее собирайте нас в коллективную кучку» [7, д. 131, л. 80 об.]. В результате обсуждения было принято «правильное» решение, в постановлении записали о необходимости произвести засев бедняцких полей отсортированным зерном и оказать помощь бедноте в рядовом севе.

На деле такие решения в пользу бедноты чаще осуществлялись лишь на бумаге. Так, в спецсводке информационного отдела ОГПУ № 52 о ходе заготовок хлеба в ЦЧО от 25 сентября 1929 г. сообщалось, что в Софийском сельском совете Анненского района Воронежского округа беднота осталась без помощи в ходе уборки урожая, вследствие чего эти крестьяне вынуждены были выплачивать более зажиточным односельчанам за помощь в организации покоса по 5-6 руб. за десятину, что было в три раза дороже нормы. В Захаровском сельском совете Воловского района Елецкого округа сельсовет не оказывал помощи бедноте в уборке урожая, вследствие чего у некоторых бедняков зерновые остались неубранными. В Коньшевском и Беляевском сельских советах Коньшевского района Льговского округа шесть молотилок не использовались, в то время как в соседнем селе Толкачевка бедняки вручную молотили зерновые [15, с. 948].

Льготы, данные властью бедноте, формировали у нее иждивенческие настроения и стремление в полной мере использовать свое привилегированное положение [2, с. 23]. Получив доступ к низовым органам советской власти, крестьяне-бедняки начинали хлопотать о лесе, пенсиях и других благах. Так, в с. Петровском Лискинского района Острогожского округа на собрании бедноты пастух предложил в ходе распределения леса представлять беднякам лучше делянки и большее количество леса, чем другим «прослойкам деревни» [5, д. 120, л. 6].

Выделение бедноты советской властью как особой социальной группы в деревне не убергло ее от репрессивных мер, примененных к крестьянству в целом. По решениям местных партийных органов на бедняков незаконно налагались твердые задания, их наряду с другими слоями деревни раскулачивали и даже отбирали хаты [11, с. 102-103]. Например, на хуторе Сергеевка Острогожского округа член сельского совета сформировал группу из комсомольцев и местного актива. Вооружившись охотничьими ружьями, они начали раскулачивать местных крестьян. В результате такого раскулачивания один бедняк был арестован, а у другого было изъято имущество [Там же, с. 64].

Социальное положение не избавляло бедняков и от потери связи с земледельческим трудом. Как отмечают Дэвис Роберт и Уиткрофт Стивен, «“раскрестьянивание” бедняков и середняков в 1931 г. происходило по тому же принципу, что и так называемое самораскулачивание, широко распространенное среди зажиточных крестьян в 1929 и 1930 гг. Судя по донесениям ОГПУ, крестьяне считали, что лучше прийти на заработки, поскольку сельское хозяйство не прибыльно, что труд на производстве ценится больше, а в деревне власти только дерут налоги, да облагают сельчан заданиями по сельскохозяйственным заготовкам» [10, с. 31-32].

Несмотря на существовавшие в советской деревне общественные противоречия, руководство государства рапортовало о глубинных изменениях в ее социальной структуре. В газете «Правда» от 7 ноября 1929 г.

в статье «Год великого перелома» И. В. Сталин сделал вывод о том, что ВКП(б) «удалось повести за собой широкие массы бедноты и середняков, несмотря на невероятные трудности, несмотря на отчаянное противодействие всех и всяких темных сил, от кулаков и попов до филистеров и правых оппортунистов» [16]. В действительности деревня не была едина ни в одной из условных социальных страт, на которые ее поделила советская идеологическая машина. Отсутствовала солидарность и в вопросе колхозного строительства.

На рубеже 1920-1930-х гг. советская власть сделала ставку на бедноту с целью укрепить свое влияние в деревне. Используя прежние внутриобщинные противоречия, коммунистическая власть пыталась развязать «классовую» войну с кулачеством. Но сформировать блок бедноты и середняков против зажиточной части села ей не удалось. Деревня оказалась единой в стремлении сохранить традиционный уклад. Власть же, мобилизовав все доступные ей ресурсы, провела коллективизацию и раскулачивание, в результате чего социальные страты черноземного села утратили свою субъектность, превратившись в объект государственного аграрного регулирования.

Список источников

1. Глебов А. Н. Льготы крестьян в советском налоговом законодательстве в 1928-1941 годы // Современные проблемы права: теория и практика: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Курган: Издательство Курганского государственного университета, 2011. С. 3-7.
2. Гончарова И. В. Беднота в объективе социальной политики власти в конце 1920-х гг. (на примере Орловской губернии) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2010. № 3. С. 20-24.
3. Гончарова И. В. «Борьба за хлеб» как главное содержание политики партии в отношении крестьянства в 1927-1929 гг. (на материале Центрального Черноземья) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2010. № 1. С. 31-38.
4. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). Ф. 2. Областной комитет ВКП(б) Центрально-Черноземной области. Оп. 1.
5. ГАОПИВО. Ф. 87. Острогожский комитет ВКП(б). Оп. 1.
6. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. П-855. Тамбовский окружной комитет ВКП(б) (окружком). Оп. 1.
7. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-2. Тамбовский исполнительный комитет окружных Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (окрисполкомы). Оп. 1.
8. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917-1933. М.: РОССПЭН, 2008. 136 с.
9. Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М.: РОССПЭН, 2006. 400 с.
10. Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: сельское хозяйство СССР, 1931-1933. М.: РОССПЭН, 2011. 543 с.
11. Есиков С. А. Коллективизация в Центральном Черноземье: предпосылки и осуществление (1929-1933 гг.). Тамбов: Издательство Тамбовского государственного технического университета, 2005. 124 с.
12. Кондрашин В. В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929-1933 гг.). М.: РОССПЭН, 2014. 350 с.
13. Марченя П., Разин С. Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века». 2-я часть // Власть. 2011. № 9. С. 173-184.
14. Никулин Р. Л. Регулирование социального состава комсомольских организаций как форма политического контроля над коммунистической молодежью // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2004. Т. 10. № 3. С. 870-874.
15. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, 1918-1939: документы и материалы: в 4-х т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2. 1923-1929. 1168 с.
16. Сталин И. Год великого перелома // Правда. 1929. 7 ноября.
17. Так говорил Сталин: статьи и выступления / сост., авт. вступ. ст. и коммент. Н. Стариков. М.: Питер, 2014. 239 с.
18. Чичулин А. В. Советское кооперативное законодательство на пути огосударствления кооперации (1917-1931 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. Вып. 3. С. 40-46.
19. Шестак О. И. Историография реализации социальной политики в 1920-1930-е годы // История. Исторические науки. 2003. № 1 (39). С. 62-73.

THE POOR AS A SOCIAL BASIS OF THE STATE IN THE COURSE OF AGRARIAN REFORMS OF THE END OF THE 1920S – THE BEGINNING OF THE 1930S (BY THE MATERIALS OF THE CENTRAL BLACK EARTH REGION)

Bezgin Vladimir Borisovich, Doctor in History, Professor
Tambov State Technical University
vladyka62@mail.ru

Nikolashin Vadim Pavlovich, Ph. D. in History
Derzhavin Tambov State University
nikolashin.vadim@yandex.ru

The article examines the poorly investigated problem of the role of the poor in social-economic and social-political development of the Black Earth region countryside at the end of the 1920s – the beginning of the 1930s. The paper analyses the Bolsheviks' policy of social differentiation of the rural population and involvement of the poor in labour activity and party construction with a view to strengthen the Soviet power in the country. The authors conclude on contradictory nature of these processes. The attempt to raise "political weight" of the rural poor found no support among other social strata and among the local Soviet and party officials.

Key words and phrases: Central Black Earth region; collectivization; countryside; the poor; collective farm.